DOI: 10.17117/na.2016.07.02.298

<http://ucom.ru/doc/na.2016.07.02.298.pdf>

Поступила (Received): 20.07.2016

Уварова И.В., Сафронова Е.Е. Категории фиктивного и квазиисторического персонажа (на примере романа Даниэля Кельманна “Die Vermessung der Welt”)

Uvarova I.V., Safronova E.E.
The categories of fictive and quasihistorical character in the
novel “Die Vermessung der Welt” by Daniel Kehlmann

В статье анализируются категории фиктивного и квазиисторического персонажа и их воплощение на страницах романа немецкого писателя Даниэля Кельманна “Die Vermessung der Welt”. Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что обе категории имеют общую природу и различаются между собой лишь объёмом предоставленных в романе биографических данных: чем их больше, тем менее фиктивен персонаж

Ключевые слова: нарративность, прагматический аспект, фикциональный дискурс, фиктивный мир, фиктивный персонаж, квазиисторический персонаж

In this article categories of fictive and quasihistorical character and their implementation in the novel “Die Vermessung der Welt” (“Measuring the World”) by German writer Daniel Kehlmann have been analyzed. The analysis makes it possible to conclude that both categories are of the same nature and differ by the volume of biographical data presented in the novel: the more data we have, the less fictive the character is

Key words: narrativity, pragmatic aspect, fictional discourse, fictional world, fictive character, quasihistorical character

Уварова Ирина Викторовна

Кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой

Кубанский государственный медицинский университет

г. Краснодар, ул. Седина, 4

Uvarova Irina Viktorovna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of Department

Kuban state medical university

Krasnodar, Sedin st., 4

Сафронова Екатерина Евгеньевна

Лаборант

Кубанский государственный медицинский университет

г. Краснодар, ул. Седина, 4

Safronova Ekaterina Evgenievna

Laboratory assistant

Kuban state medical university

Krasnodar, Sedin st., 4

Быть фиктивным означает быть только изображаемым. Литературный вымысел – изображение мира, не подразумевающего прямого отношения к какому бы то ни было реальному, внелитературному миру. Что же именно является фиктивным в фикциональном произведении? Это и изображаемый мир целиком, и все его части – ситуации, персонажи, действия. Вымышленные единицы отличаются от реальных не каким-либо формальным признаком, а только

тем, что они не существуют или ранее не существовали в реальности. Тезис о несуществовании в реальном мире, пожалуй, не вызывает сомнения в случае явно вымышленных персонажей, таких как, например, Жан-Батист Гренуй Зюскинда или его же господин Зоммер. А как быть с реальными историческими личностями, если они герои романа?

Такие фигуры В. Шмид называет квазиисторическими [4, с. 94]. По мнению учёного, такие персонажи являются лишь мимесисом своих исторических прототипов. Поскольку для фиктивности не существует градации, можно утверждать, что персоне Адольфа Гитлера в пространстве романа Маркуса Зузака «Книжный вор» настолько же фиктивна, как и образ главной героини Лизель: «В углу наискось стоит Адольф Гитлер со свитой. Ноги высовываются из-под красно-белого халата с выжженной на спине черной свастики. К лицу подшиты усики. На ухо что-то шепчет тренер, Геббельс» [2, с. 91].

Фиктивность персонажей не подлежит сомнению, когда они наделены чертами, пусть самыми незначительными, которые явно вымышлены и не могут быть подтверждены каким бы то ни было историческим источником. Но даже если автор исторического романа придерживается засвидетельствованных историками фактов (что исключало бы всякое изображение внутреннего мира), то все его герои, как бы они ни были похожи на исторических личностей, все же неизбежно являются вымышленными. Уже тот факт, что эти квазиисторические фигуры живут в том же мире, что и явно вымышленные, превращает их в фиктивных.

Фиктивность персонажей делает фиктивными и ситуации, в которых они находятся, и действия, в которых они принимают участие. Фиктивным является и пространство романа, т.е. те локации, которые имеют эквивалент в реальности. Того аэропорта «Ла-Гуардия», в котором находился к началу романа М. Фриша его герой Вальтер Фабер, нет в действительности. В реальной системе координат мы находим только тот аэропорт, где *homo faber* никогда не бывал [3, с. 1].

На наш взгляд, роман „Die Vermessung der Welt“ (русск. «Измеряя мир») является одним из наиболее наглядных примеров использования квазиисторических персонажей в современной немецкоязычной литературе.

„Er war der jüngere von zwei Brüdern. Ihr Vater, ein wohlhabender Mann von niederem Adel, war früh gestorben. Seine Mutter hatte sich bei niemand anderem als Goethe erkundigt, wie sie ihre Söhne ausbilden solle“ [5, с. 18]. – «Он был младшим из двух братьев. Его отец, состоятельный человек из числа мелких дворян, рано умер. Его мать просила совета о том, как ей воспитывать сыновей, не у кого иного, как у самого Гёте» (перевод наш. – Е.С.). Этими словами Кельманн начинает свой вариант биографии великого путешественника и естествоиспытателя Александра фон Гумбольдта. Изначально рассказчик знакомит читателя с тремя главными героями. Это Александр фон Гумбольдт, Карл Фридрих Гаусс и Эме Бонплан. Мы не можем доподлинно определить, какова степень фиктивности этих персонажей, однако они несомненно являются литературным отражением реально существовавших исторических личностей, а потому квазиисторичны.

Наряду с главными героями на страницах романа также встречаются персонажи, которых условно можно назвать квазиисторизмами второго порядка; это многочисленные второстепенные персонажи романа.

„Diesen Satz verstand keiner. Nicht die Mutter, nicht ihr Majordomus Kunth, ein magerer Herr mit großen Ohren“ [5, с. 18]. – «Предложение не понял никто. Ни мать, ни её мажордом Кунт, тощий господин с большими ушами» (перевод наш. – Е.С.).

„Das sei nötig, erklärte Kunth, die Begegnung mit dem Dunkel sei Teil des Heranwachsens, wer metaphysische Angst nicht kenne, werde nie ein deutscher Mann“ [5, с. 20]. – «Это необходимо, пояснил Кунт, встреча с тьмой есть часть взросления; кто не познал метафизического страха, никогда не станет немцем» (перевод наш. – Е.С.).

По свидетельствам историков, начиная с 1777 года, Кристиан Кунт в действительности был воспитателем юного Александра и его брата Вильгельма. Являясь страстным поклонником творчества французского гуманиста Руссо и обладая поистине энциклопедическими знаниями, Кунт вполне мог оказывать большое влияние на своих подопечных, как это показано в романе.

„Er meine zu begreifen, sagte Kunth schließlich, es handle sich um ein Experiment. Der eine solle zum Mann der Kultur ausgebildet werden, der andere zum Mann der Wissenschaft.

Und welcher wozu?

Kunth überlegte. Dann zuckte er die Schultern und schlug vor, eine Münze zu werfen“ [5, с. 19]. –

«Он полагает, сказал Кунт наконец, речь идёт об эксперименте. Один должен воспитываться как человек культуры, другой – как человек науки.

И кто как?

Кунт задумался. Затем он пожал плечами и предложил бросить монетку» (перевод наш. – Е.С.).

К сожалению, биографы младших Гумбольдтов уделили весьма мало внимания персоне гувернёра мальчиков, а потому фигуру Кунта на страницах романа правильнее было бы считать в большей степени фиктивной, чем квази-исторической.

Наряду с квазиисторическими персонажами в романе присутствует также ряд чисто фиктивных персонажей, реальное существование которых не подтверждают никакие источники. Примером может стать проститутка Нина, с которой в молодости имел знакомство Гаусс. Весьма сомнительно, чтобы кто-то из биографов Гаусса заинтересовался, посещал ли великий математик публичный дом хоть единожды; посему возможное существование Нины естественным образом становится недоказуемым. Тем не менее, Кельманн заставляет читателя усомниться в фиктивности описанного персонажа, вплетая в повествовательную канву всего один факт: „...versprach er ihr [Nina], sie zu heiraten und ihre Sprache zu lernen“ [5, с. 85]. «...он пообещал ей [Нине] жениться на ней и выучить её язык». Согласно Боголюбову, Гаусс начал учить русский язык в возрасте шестидесяти двух лет с целью ознакомиться с трудами Лобачевского. Вне зависи-

мости от причин, он, по свидетельствам современников, весьма преуспел в изучении и впоследствии стал страстным поклонником русской литературы [1, с. 219]. В фактуальном, историографическом тексте такая интерпретация была бы немыслима и недопустима. Но «всеведение» автора является его привилегией – и главным признаком фикциональности. На самом деле оно представляет собой не знание, а свободный вымысел.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в фикциональном произведении фиктивными являются все тематические компоненты повествуемого мира – персонажи, места, времена, действия, речи, мысли, конфликты и т.д. Повествуемый мир – тот мир, который создается повествовательным актом нарратора. Однако очевидным является тот факт, что за нарратором всегда стоит автор. Таким образом, любое представление реально существовавшего человека в литературе является не более, чем авторским произволом по отношению к историческим фактам, которые он интерпретирует в вольной форме, придавая описываемому персонажу ту или иную степень фиктивности, а потому тонкая грань, разделяющая категории фиктивного и квазиисторического персонажа, естественным образом стирается.

Список используемых источников:

1. Боголюбов А.Н. Математики. Механики. Биографический справочник. Киев, 1983. С. 219.
2. Зусак М. Книжный вор. М., 2009. С. 91.
3. Фриш М. Homo Фабер. М., 2010. С. 1
4. Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 94.
5. Kehlmann D. *Die Vermessung der Welt*. Hamburg, 2005. 320 c.
6. Bogolyubov A.N. *Mathematicians. Mechanics. Biographical Reference Book*. Kiev, 1983. P. 219.
7. Zusak M. *The Book Thief*. Moscow, 2009. P. 91.
8. Frisch M. *Homo faber*. Moscow, 2010. P. 1.
9. Schmid W. *Narratology*. Moscow, 2003. P. 94.
10. Kehlmann D. *Measuring the World*. Hamburg, 2005. 320 p.

© 2016, Уварова И.В., Сафронова Е.Е.

Категории фиктивного и квазиисторического персонажа (на примере романа Даниэля Кельманна "Die Vermessung der Welt")

© 2016, Uvarova I.V., Safronova E.E.

The categories of fictive and quasihistorical character in the novel "Die Vermessung der Welt" by Daniel Kehlmann